

ЗА ПРЕДЕЛОМ

ИНСТРУКЦИЯ К БЕССМЕРТИЮ

А.Г. ЗВЕРС

18+

А. Г. Эверс
За пределом. Инструкция
к бессмертию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25743621

SelfPub; 2025

Аннотация

Фантастическая история об открытии лекарства от смерти и преодолении всех преград физического существования. О неизбежно надвигающемся конце, который ожидает каждого. О борьбе за жизнь. О мечте и страхе. Глория попытается сделать то, чего хотят почти все, – обыграть смерть. Человечеству давно пора преодолеть смерть, но до сих пор люди выбирают неправильные инструменты для этого. Философия, религия, мысленные ловушки. Победа должна быть физической, а не духовной. И Глория намерена достичь своей цели.

Содержание

Глава 1. Детство. Знакомство со смертью.	5
Глава 2. Неразрешимая загадка безысходности.	52
Глава 3. Победить усталость.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

А. Эверс

За пределом. Инструкция к бессмертию

А.Г. Эверс.

За пределом. Инструкция к бессмертию

Дисклеймер

Данная книга содержит в себе упоминание наркотических веществ, алкоголя и курения. Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или любых других запрещённых веществ. За незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена уголовная ответственность. Статья 228 УК РФ. Даже разовое употребление наркотиков ведёт за собой большие последствия сказывающиеся на вашем здоровье, а в конечном итоге это приводит к летальному исходу.

Все персонажи и описываемые в книге события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми или событиями, является случайностью.

Глава 1. Детство.

Знакомство со смертью.

Он тихо подошёл к юной девушке, пока она стояла спиной к нему. «Незаметно подкрался», – так обычно говорят про него. Она смотрела на огонь в камине, но обернулась, почувствовав его присутствие, и поприветствовала без эмоций:

– Здравствуй, Смерть.

– Здравствуй, Любовь, – он усмехнулся. Никто, кроме неё, не мог произнести его имя, продолжив жить, потому что увидеть его могли только те, кто уже умер.

– Зачем ты пришёл? – она была, как всегда, холодна к нему. Он часто приносил ей только горе и печаль.

– Я знаю, что ты задумала, – в его голосе слышалось нарастающее раздражение.

– Я и не делала из этого тайны.

– Я не собираюсь это терпеть – ты хочешь уничтожить меня!

– Глупости, я уничтожу тебя не в большей мере, чем саму себя, – Любовь оставалась спокойна и отвечала, не повышая тона.

– Ты в образе человека совсем свихнулась.

Он осмотрел её с ног до головы. Кажется, что они не ви-

делись вечность. Возможно, так оно и было – он не помнил.

– Люди всё равно будут умирать, но совсем в незначительном количестве. Животные, птицы, рыбы, насекомые, бактерии и вирусы тоже будут умирать. Смерть останется, просто её станет намного меньше. Как и любви. Разве тебя не устраивает такой консенсус?

Она продолжила смотреть на огонь в камине. Она почти растворилась в этом пламени. Не было ничего и никого, только этот огонь, с которого началась жизнь, а она была первобытным человеком, сидящим в своей пещере и согревающимся этой ночью теплом костра. Но Смерть прервала её мысли и вернул в эту пустую комнату с голыми, тёмно-серыми бетонными стенами.

– В целом устраивает... но как это повлияет на любовь?

– Очень просто. Во-первых, вечной любви не бывает, а количество памяти, в том числе эмоциональной, ограничено. Во-вторых, любовь в большинстве своём вызвана страхом одиночества, страхом перед смертью, одинокой старости, смерти, в которой тебя никто не поддержит. Без смерти, зачем им любовь?! Останется только страсть и желание, и те будут притуплены скукой и необходимостью держать в рамках перенаселение.

– Тогда зачем тебе это? Так сильно понравилось быть человеком, что не хочешь прощаться со своим телом?

– День за днём, из поколения в поколение одно и то же. Скука и однообразие человеческих жизней. Всё только для

того, чтобы они наконец догадались, что им нужно что-то большее. Может, уже пора прекратить этот порочный круг бытия?! Вечная жизнь – это новая ступень эволюции, прогресса, развития и ступень к новой форме сознания. Знаешь, иногда некоторые ненужные органы и части тела становятся рудиментами. Смерть должна стать рудиментом. Как твой антипод, любовь тоже должна стать рудиментом. Я не против. На новом уровне сознания мы не нужны, – она улыбнулась. – Мы вместе останемся по одну сторону баррикад.

Он терзался сомнениями, хотя в целом его это устраивало, так что он решил ей не мешать... пока. Наверяд ли у неё получится.

Всё началось, когда она была ещё ребёнком. Никто не знал, но Глория прекрасно отдавала себе отчёт в том, зачем привела её в этот мир. Именно так. Глория долго не хотела детей, пока не поняла, зачем она подарит им эту жизнь. У её детей был смысл жизни с самого рождения, о котором они не знали. И никто не знал. Это был её собственный тайный замысел, который никто бы не одобрил. И самое сложное заключалось в том, чтобы суметь воплотить этот план в жизнь.

Уложив детей спать, Глория с мужем уже час как наслаждались просмотром старого фильма про Италию. Мысленно гуляя с героями киноромана по солнечным улочкам Флоренции, они укутались в одеяло и грели друг друга в объёме

тиях. За окном был январь, подвывавший в окно. Приятно, когда можно наслаждаться нежностью мужа даже спустя годы в браке. Но все эти простые и уютные вещи, ради которых многие и живут, несильно радовали её вечно беспокойную душу.

В соседней комнате плакал ребёнок. Сначала тихо, пряча слёзы в подушку, пытался сам успокоиться и справиться со своими страхами. Но своими всхлипами очень мешал младшему брату, который не выдержал такого шума и закричал на всю комнату, пытаясь дозваться родителей, не вылезая из кровати.

– Мааам! Лиля плачет!

Это могло значить всё что угодно, но чаще всего у восьмилетней Лили болели голова и живот. Если первое было связано с постоянными переутомлениями, то причину второго родителям так и не удалось выяснить. Лиля очень усердно и много занималась, хотя быстро теряла концентрацию и переключалась с одного занятия на другое. Только что щёлкала задачки по математике, вот уже изучает книгу с детскими песнями и вставляет кассету с одной из них или решит записать свой собственный «хит». Или решит повыводить буквы в английской прописи. А может просто включить обогреватель и топить перед ним шоколад, чтобы макать туда печенье. К задаче по математике возвращается, только когда за окном уже стемнеет и мама вернётся с работы. Не потому что сложно, а потому что была увлечена множеством других

«дел». Потом сидит до полуночи и доделывает домашнюю работу, чуть ли не засыпая на письменном столе. Не потому что устала, а потому что ей тяжело выполнять однообразные задачи долгое время. В этом, как предположили врачи, и была причина переутомлений и не столь уж частых, но сильных головных болей, с которыми не могли справиться ни одни лекарства.

Такие же ничем не излечимые боли в животе, не имевшие никаких явных причин, предупреждались родителями по советам врачей супами. Каждый день Глория готовила для Лиля первое блюдо и контролировала, чтобы дочь обязательно хотя бы обедала полноценно, а не тем, чем ей хочется. Если этого не делать, Лиля будет питаться только чаем и печеньем с шоколадом.

Но сейчас на дворе были зимние каникулы, Лиля проводила все дни дома с семьёй или гуляя в лесу, и последние дни ребёнок исправно ел под неумолимым взглядом Глории всё, что ему давали, и не переутомлялся, выполняя бесконечные домашние задания. Так что у Глории были все шансы надеяться, что сегодня им не придётся всю ночь бороться с непроходящими болями.

Не успела, Глория выкарабкаться из-под одеяла на зов сына Дэнни, как заплаканная Лиля уже сама пришла к их кровати. Глория села на край и обняла ребёнка, тонущего в упительной истерике мирового страдания. В таком состоянии дитя даже не сможет поведать о своей беде или кошмаре.

– Что случилось, рыбка моя? – у Лили были тёмные волосы с золотистым отливом, и Глория часто называла её золотой рыбкой. Именно такой волшебной рыбкой она и была для неё в действительности, потому что могла исполнить её желание.

– Тебе приснился кошмар? – Лиля отрицательно помотала головой сквозь слёзы. Пока ребёнок старался успокоиться, ощущая себя в безопасности, Глория пыталась понять, стоит ли беспокоиться ей самой. Она посадила дочь к себе на колени и гладила по голове. – А что тогда? Болит что-то?

– Н-нет, – Лиля только перестала плакать навзрыд, но с вырвавшимся ответом снова придалась страданиями.

– Точно не болит? Ты уверена? – однотипные вопросы в объективно неправильном направлении всегда действовали безотказно. Лиля поняла, что мама не догадается сама о её страхах и скорее замучает ненужными вопросами, если сейчас же не перевести тему в нужное русло.

– Я не хочу умирать, – снова заревела Лиля, вырывая по слову сквозь всхлипы.

– Но ты ещё очень маленькая, у тебя ещё длинная жизнь впереди.

– И не хочу, чтобы вы умирали!

– Но все рано или поздно умирают... – настал тот самый миг. Глория знала, что он настанет. Она точно также боялась и плакала по ночам. Гены не подвели – значит, у человечества есть шанс.

– Нет... – Лиля заплакала ещё сильнее. Да, Глория могла бы рассказать про свет в конце туннеля, про рай, про астральные выходы из тела или что-нибудь там ещё, чтобы успокоить несчастное дитя. Но нет, она не собиралась этого делать. И ей не надо было, чтобы ребёнок успокаивался в полной мере и до конца. Глории надо было, чтобы этот страх остался жить в душе Лили и не где-то глубоко в подсознании, а здесь, совсем рядом, напоминая при каждом удобном случае о себе, и прибавляя уверенности и решимости при выборе жизненных путей.

– Но подожди, не плачь, ты можешь всё изменить. Есть одна легенда о том, как можно победить смерть.

Лиля тут же перестала вырабатывать новые порции слёз, чтобы не упустить никаких важных деталей. И Глория рассказала ей сказку, ставшую путеводной звездой для её дочери.

– Давным-давно ещё до того, как на земле появились люди, на нашей планете жила особая раса. Эта раса была внешне похожа на людей, но существа этой расы были намного красивее. Они были совершенны, и у них не было никаких недостатков. Не потому что они были такие великолепные с рождения, от природы, а потому что они достигли своего пика в развитии науки. Это были эльфы. И они были бессмертны.

Вот как им это удалось. Человек состоит из клеток – это маленькие частички, – Глория подошла к шкафу с фотоап-

паратурой и взяла один из старых портретных объективов. Она направила его на свою руку и предложила Лиле заглянуть в него. – Вот смотри. Видишь точки, поры и бороздки? Мы все состоим из таких маленьких ячеек. А клетки ещё меньше. В клетках хранится информация обо всём организме, но она зашифрована генетическим кодом. Код – это загадка, которую эльфам удалось разгадать. Благодаря этому они нашли лекарство от всех болезней и от старения. Они не старели, не болели и не умирали – то есть стали бессмертны. Они поднялись на ступень выше в своём развитии. Ты знаешь, некоторые люди говорят, что существуют рай и загробная жизнь, – в голове Глории успела мелькнуть мысль, что её бабушка, чья роль заключалась в духовном просвещении ребёнка, убьёт её за такую антипропаганду. Но Глория продолжила. – На самом деле, смерть – это вечное ничего. Те прекрасные эльфы отказались от мечты о загробной жизни, чтобы достичь большего. Хотя ведь мысль о вечной жизни не менее пугающая, чем о вечном небытии. Но они приняли отсутствие смерти в их жизни. Они не рассматривали смерть как нечто таинственное, интересное и притягательное, чего они лишились. Нет, они рассматривали свой отказ как эволюцию, как новую форму существования и благодаря этому смогли принять новую бессмертную жизнь. Но не все в их королевстве готовы были смириться с вечной жизнью. В это сложно поверить, но многие не приняли вечную жизнь на Земле. Они видели в смерти некую особую форму продолже-

ния существования, но они ошибались. Это было всего лишь успокоение для них, иначе жить стало бы слишком страшно, и все просыпались бы, как ты, каждую ночь. Даже в столь развитом и умном обществе было много не очень умных существ, которые только деградировали.

– Это что?

– Не становились лучше, а становились хуже.

Этих существ, которые были против вечной жизни, прозвали орками. Они были некрасивыми, потому что их заботила только их физическая сила и количество золота в карманах. Они завидовали эльфам и многие вещи делали просто назло, даже не думая о том, правильно это или нет. Они считали, что смерть – это то, что им дано природой и никто не смеет её отбирать. Конечно, они могли бы просто не принимать лекарство от бессмертия, но им казалось несправедливым, что кто-то не умрёт. Также бывает с глупыми и слабыми людьми – они пытаются навязать своё мнение и свой образ жизни другим. В королевстве эльфов и орков произошёл разлад, из этих разногласий и началась война. Лекарство эльфов могло излечить любую болезнь и избавить от старения, но оно было бессильно против оружия.

В один момент эльфы поняли, что могут потерять всё, чего достигли сотнями лет исследований, и что секрет бессмертия может быть уничтожен глупыми орками, потому что орки очень быстро множились в отличие от эльфов. Очень скоро орков стало слишком много, и они почти истребили всех

эльфов, которые ценили жизнь, старались не причинять никому вреда и никого не убивать. Чтобы спасти свои достижения и секреты, эльфы послали одного ребёнка, совсем ещё младенца в будущее с помощью своих изобретений. Никто не знает, в какое время, кому и куда попал этот ребёнок. Он не бессмертен, потому что за тысячи лет на Земле появилось множество смертельных болезней, о которых эльфы ещё и не знали. Но в венах этого ребёнка течёт эльфийская кровь, и где-то на его подсознании кроется секрет бессмертия. И знания эти будут передаваться его детям, пока кто-нибудь из его предков или он сам не сможет расшифровать генетический код, снова открыть секрет бессмертия и позволить человечеству перейти в новую форму существования.

Никто не знает, кто этот ребёнок, но у него есть все шансы найти лекарство от смерти. Конечно, для этого ему придётся много учиться и изучать различные науки по книгам, например, биологию и физику. Эльфийская кровь может подсказать ему разгадку, только если он будет хорошо подготовлен, не хуже, чем сами эльфы. Остаётся только ждать. Возможно, этот ребёнок живёт в наше время и сможет нас всех спасти. В любом случае, как видишь, бессмертие возможно. Если эльфы смогли разгадать его секрет, то и люди смогут.

Лиля уже сидела не всхлипывая, внимательно слушая сказку. Кажется, такой конец её устроил. С самого детства Глория рассказывала Лиле сказки, которые сама придумывала. Она знала, что дети всегда ассоциируют себя с главными

персонажами, особенно если те хоть чем-то похожи на них самих. Суть этих сказок заключалась в том, чтобы дать Лиле самой понять и осознать «великую» истину. Глория каждый раз еле сдерживалась, чтобы не добавить в конце что-нибудь вроде «прямо как ты». Тогда это не сработало бы. Дети не столь глупы. Они всегда готовы раскусить твою манипуляцию. По крайней мере, Глория сама такой была. С Лилей нужен более тонкий подход. Она должна сама прийти к «гениальным» выводам.

– А что случилось с эльфами и орками?

– Говорят, они все погибли, и на Земле появилась раса людей.

Лиля погрузилась в свои размышления. Глория видела, как её взгляд обратился куда-то вовнутрь. Лиля обдумывала эту историю, но прежде чем она придумала ещё сто уточняющих вопросов, Глория отправила её спать.

– Так что нет ничего невозможного. Тебе же нравятся супергерои? Хочешь спасти мир, как они? Спаси его. Спаси от смерти. Главное – что-то делать в этом направлении, и тогда всё получится. Но не прямо сейчас. Сейчас тебе лучше пойти спать, а то уже очень поздно. Завтра весь день пропустишь, пытаясь выспаться.

Глория проводила дочь до кровати, поцеловала в лоб и уложила спать. Вымотанный эмоциями ребёнок быстро уснул.

– Глория, ты считаешь, правильно такое говорить? Она

ещё совсем ребёнок... – без упрёка спросил муж Глории, когда она вернулась в мягкую тёплую кровать.

– Мы же договорились... – Глория напомнила ему, что вопросы жизни и смерти будут освещаться исключительно на её лад.

– Да, помню...

– К тому же такой поворот событий её устроил. И я по себе знаю, что никакой другой её не устроит, разве что на время, пока она сама не дойдёт до этого же вывода. Таким образом, я экономлю её жизненное время. Жаль, что меня никто также не подготовил к жизни, – она улыбнулась.

Он слегка улыбнулся в ответ и смирился. Может, поэтому Глория выбрала его в качестве отца своих детей. Он не может перечить её самодурствам.

– Так, значит, ты из рода эльфов... Что же ты раньше не сказала?!

Они оба рассмеялись.

Засыпая, Глория сама задумалась над своей сказкой. Она не считала её сколько-нибудь правдоподобной. Разве что совсем немного. И всё ж сейчас бы Глория в неё не поверила, потому что её научные эксперименты в биосреде показали, что приведение в равновесное состояние отдельных элементов более крупной системы, то есть достижение самоорганизации отдельных элементов системы приводит со временем к самоорганизации более крупной системы. При этом даже при наличии некоторой, но непреимуществом энтروпии,

то есть несомоорганизованных элементов, типа орков, пре-восходство и положительное влияние остаётся за самоорга-низованными элементами. Победа хаоса над порядком слу-чается редко, только при единичном возникновении самор-ганизованного элемента, то есть если бы эльф был только один из всего общества, и даже в тех случаях вероятность развития дальнейшей самоорганизации остальных элемен-тов достаточно велика и уже не исчезнет, хотя и может занять очень длительное время. Здесь срабатывает ещё одна загад-ка, которую она пока не разгадала, – память системы. Од-нажды возникший положительный пример в системе, будет, как вирус, возникать снова и снова, пока всё-таки не завою-ет преобладающее положение в системе. Победить его мож-но только внешним воздействием на систему... Но это толь-ко Глория считала эльфов из сказки самоорганизованными элементами в равновесном состоянии, а природа вполне мо-жет рассматривать их как хаос, орков как противовес хаосу, а вышедших в итоге людей – равновесием...

На утро, которое для всех членов семьи наступило не раньше одиннадцати часов, за завтраком из оладий и сме-таны Лиля, стараясь казаться совершенно незаинтересован-ной, спросила, нет ли у них дома случайно книг по «биоло-гии» и «хизике». Глория сделала задумчивое выражение ли-ца, припоминая, есть ли у них что-нибудь подходящее.

– Это очень сложные науки... Но да, кажется, у нас была

пара книг, которые ты можешь изучать уже сейчас. Пойду поищу.

Конечно, эти книги были. Глория уже давно их подобрала, купила, скачала интересные детские видео и обучающие компьютерные игры. Всё, что Лиля должна была прочитать и изучить у Глории было распланировано на ближайшие лет пять. Глория принесла ей стопку заготовленных книг с яркими картинками и приятными на ощупь страницами. Восторженные глаза Лили говорили о том, что она будет их активно изучать до конца каникул. Если её не будет отвлекать собственный брат... Глория предложила мужу взять второго ребёнка на дачу, чтобы он помогал мастерить, строгать и пилить и учился работать руками. Двух зайцев одним выстрелом – сын учится и не мешает сестре.

Единственно возможный способ заставить ребёнка учиться и изучать что-либо – это регулярно поддерживать его любопытство. Подбрасывать дров в тлеющее пламя детской любознательности и духа исследователя, следить, чтобы оно не потухло в рутине и не притупилось от нудных упражнений и теоретических сухих догм.

У ребёнка всегда должен быть необходимый материал для "исследования мира" и материал этот должен, кроме всего прочего, быть не только полезным для открытий, но и вызывать эмоции. Положительные эмоции, то есть увеличенную активность дофаминовых нейронов, заставляющих его продолжать своё "исследование".

Глория помнила себя в этом возрасте. Казалось, взрослые знают так много, что ей никогда не запомнить всех нужных знаний, чтобы потом передать своим детям. В детстве она думала, чтобы родить ребёнка, надо всё очень чётко продумать и спланировать. Рассчитать каждый шаг ребёнка, чтобы из него выросло что-то достойное. Потом жизненный опыт показал, что почти никто так не делает. Детей отдают в основном на волю случая, их интересы не так уж часто замечают и нередко пытаются через силу навязать свои собственные мечты. Кто-то может сказать, что именно последний путь выбрала и Глория. Но это не совсем так. Глория ни к чему не собиралась принуждать ребёнка. Так бы она не смогла получить нужного результата. И не только она. В проигрыше остался бы целый мир. Её задача была намного сложнее. Манипуляции, внушение, тщательно подобранные игры, книги и фильмы. Как бы ненароком. Лиля должна была сама выбрать этот путь. Единственный способ заставить кого-либо что-либо сделать – это вызвать у него соответствующее желание.

Собственно, вы должно быть уже догадались, о каком пути идёт речь. Лилия должна была помочь Глории изобрести лекарство от старения, от болезней или, если говорить откровенно, – для вечной жизни. Глория работала над ним последние десять лет, но всё время боялась, что не успеет... поэтому ей и нужна была Лилия.

Кто-то может пожалеть её девочку: «Ах, бедная Лилия.

Эгоистичная мать жестоко эксплуатирует её в своих целях, чтобы воплотить в жизнь свои мечты. Как это типично и часто встречается! Ты всего лишь инструмент, Лиля, и твои желания не учитываются. А вдруг ваша дочь хочет стать пианисткой, а вы ей навязываете науку? Несчастный ребёнок без детства». Но всё это глупость и ложь. Несчастливая Лиля?! Да, разве повезло кому-то на свете так, как Лиле, – прийти в этот мир, имея чёткую цель и опытного проводника, который покажет ей путь?! Пианисткой она могла бы стать с тем же успехом, что и овладеть любой другой профессией. Если Лиля унаследовала гены Глории, а в этом мать уже ни на йоту не сомневалась, то у Лили всегда будет интерес ко всему и способность развить любой навык, но вместо того, чтобы распыляться на всё подряд, перепрыгивая от одного занятия к другому, как Лиля делала это до сих и как это делала Глория полжизни, Лиля получает особый путь, преисполненный благородной цели, вовсе не эгоистичный, а способный дать человечеству новый толчок для развития. Глория уже нашла тропинку, по которой нужно идти, просто не успевает пройти её до конца в одиночку, ей нужна умная, молодая и полная сил спутница. Глория даёт Лиле увлечённость делом, что является одним из главных источников счастья. Она даёт ей икигай, как говорят японцы, – то, ради чего хочется просыпаться по утрам.

Если бы Глория не задалась целью преодолеть смерть, Лиля возможно никогда не появилась бы на свет. Глорию все-

гда пугала мысль о семье и детях. Дело в том, что с юных лет для неё было очевидно, что каждый человек проживает примерно одни и те же жизненные этапы. Детство, школа, университет, брак, дети и дальше только старость и смерть. Ей казалось, что, выполнив главное предназначение женщины в продолжении рода, можно смело кануть в небытие – природе больше нет смысла содержать такого человека, расходуя свои ресурсы на поддержание жизни увядающего элемента. Поэтому семья и дети были для неё предзнаменованием близкого конца, последнего этапа перед смертью, которой она не желала ни в каком виде. Даже обещание райской вечности, нескончаемого блаженства, наслаждения и покоя её не устраивали. В обещания Глория вообще достаточно рано перестала верить.

Собственная привычка связывать рождение детей и смерть казалась ей в какой-то мере нелепой и странной, хотя она и не могла ничего поделать со своими ощущениями. Приписывала это даже подсознательному страху смерти во время родов. Но вот однажды, изучая влияние на мозговую активность сильнейшего психоделического вещества – диметилтриптамина, – она выявила презабавнейшее совпадение. Особенность этого вещества заключается в том, что люди, принимающие его, в основном переживают опыт собственной смерти. Некие безымянные эксперименты по изучению диметилтриптамина показали, что, принимая его, у исследуемых выделяется тот же гормон, что и у любого человека

в момент смерти (мощное успокоительное и обезболивающее, как предположили авторы статьи). А ещё он выделяется, хотя и в значительно меньшем количестве, у женщин во время родов... Так что кое-что всё-таки связывает рождение ребёнка и смерть. Но с возрастом этот страх перед последним жизненным этапом слегка приглушился, потому что ребёнок должен был стать для Глории инструментом преодоления этой последней ступени порочного круговорота жизни.

Для воспитания будущего гения, способного помочь ей в работе, Глории приходилось уделять детям очень много внимания. Она никогда не заставляла их что-то делать или изучать через силу, но создавала такие условия, при которых они сами хотели идти запланированным для них путём. Глория всегда старалась давать максимально полные и правдивые ответы на все вопросы детей, особенно если они так или иначе касались научных знаний.

– Мам, а ты знала, что все предметы состоят из маленьких штучек?

Как-то Глория с Лилей стояли в очереди в магазине, что редко случалось с Глорией. Но уже несколько недель она проводила всё время только дома и в лаборатории. Ей хотелось немного посмотреть на этот мир. В другие дни она предпочитала экономить время, благодаря доставке на дом. Время дороже денег, как ни крути. Даже на все свои деньги вы не сможете купить и одной лишней минуты на смертном

одре.

– Каких штук? – Лиле было только девять, но Глория считала такое отношение к научным понятиям недопустимым даже в её возрасте. Внешне она своего раздражения никак не проявила, готовясь терпеливо объяснять Лиле теорию.

– Молекулы называются.

И на том спасибо! Но раз ребёнку интересуется эта тема прямо сейчас – нельзя упустить шанс и подробнее рассказать о молекулярном строении. Любопытству нельзя дать потухнуть. Его надо частично утолить и ещё больше разжечь, пока есть такая возможность.

– Да, это так. А ты знаешь, из чего состоят молекулы?

– Нет, – Лиля стояла в замешательстве. Ох, это разочарование Глории было знакомо. Когда в детстве ты узнаёшь что-то удивительное, спешишь удивить и родителей, а они говорят, что уже знали! Знали и не сказали! Но Глория быстро отвлекла её внимание от этой фрустрации.

Она взяла планшет и принялась рисовать шаро-стержневые модели.

– Из ещё более маленьких частиц – атомов. Атомы все разные, но все состоят из разного количества частиц под названием электроны, протоны и нейтроны. Вот, например, твоя кофта из чего?

– Из ткани?

– А ткань?

Лиля немного растерялась.

– Из молекул?

– Рано. Ткань состоит из ниток, – Глория подцепила одну, чтобы показать дочери. – Нитки бывают разные, но эти сделаны из шерсти, то есть волос животных. Из твоих тоже можно было бы сделать кофту, если бы их было в сто раз больше.

Лиля стала всматриваться в свои волосы. Что и сказать – похожи на нитки.

– Чтобы понять, из чего состоит волос надо посмотреть в микроскоп, – Глория быстро нашла в Интернете рисунок «волоса в разрезе».

– Фу! – воскликнула Лиля. – Он, что, такой страшный там?! У меня совсем не такой.

– Не хочу тебя расстраивать, но он у всех людей такой. Просто нашего зрения недостаточно, чтобы разглядеть все эти чешуйки и стержни. Такое можно увидеть только в микроскоп.

– Это молекулы?

– Нет. Но видишь, сколько элементов есть у волоса? И каждый из них состоит из клеток. Всё твоё тело состоит из таких клеток.

Найти адекватную схему клеточного строения волоса не удалось, и Глория уже пожалела, что затеяла такую запутанную игру. Надо было взять что-нибудь попроще. Всё-таки живое существо – это слишком сложно.

– В клетках ещё множество всяких неприглядных вещей, – она показала ей рисунок эукариотической клетки. – А вот эти части клетки уже настолько малы, что состоят из молекул.

Ребёнок смотрел с интересом, но явно ничего не понимал, или не успевал за мыслью, или просто рассматривал картинку. Она была ещё слишком мала.

– Но это не всё! – восторженно сообщила Глория, пытаюсь хотя бы интонациями вывести Лилию из транса, и тут же загадочно понизила голос. – Есть частички, которые меньше молекул...

– Какие? – Лиля перевела взгляд с экрана на маму.

– Атомы... Но и атомы можно поделить на ещё более маленькие части.

Важный момент – усилить интерес и дать этим знаниям практическую пользу.

– Если знаешь, из каких молекул состоят клетки, то можно сделать бессмертной каждую клетку! Они не будут умирать! Это очень сложно, но возможно... Это первый шаг к бессмертию – тот, кто знает, как сделать одну клетку своего тела бессмертной, сможет найти лекарство от смерти.

– Почему бы просто не сделать все клетки бессмертными?

– Никому пока не удалось. Просто все клетки немного отличны друг от друга. Я, например, в своей лаборатории нашла, как сделать клетки кожи и крови бессмертными, но вот в теле ещё много разных клеток и не все я могу сделать

бессмертными. Но, может, у тебя получится, когда ты изучишь этот вопрос со всех сторон. Возможно, для тебя ответ и решение станут очевидными. Тебе надо только досконально всё изучить...

Вот Глория фактически и призналась. Соседи в очереди кидали в её сторону неодобрительные и насмешливые взгляды. Недалёким людям не нравится идея лекарства от смерти только потому, что они сами не могут его изобрести и догадываются, что никто им просто так его не даст, даже если оно будет изобретено кем-то другим. Вот и придумывают отговорки, якобы за семьдесят лет можно устать жить.

Для кого-то вечности слишком много, но это лишь потому что он не может придумать себе целей, чего Глория не могла сказать о себе. У неё планов было на целую вечность и больше. По правде говоря, мы каждый день живём будто в вечности и вовсе не надеемся, что именно сегодня «наконец» умрём.

Когда Глория только ступила на этот путь, изучив все необходимые науки, лаборатория, в которую она устроилась на работу, как раз выпустила препарат, способный удлинить теломеры в ДНК и продлить жизнь клетки. Теломеры – это повторяющиеся участки на конце ДНК, которые сокращаются при каждом делении клетки. Когда одной теломеры становится недостаточно для следующего деления, клетка стареет и умирает, а новая на её месте не появляется. Но существуют ферменты – теломеразы – способные достраивать

теломеру, давая клетке в теории бесконечную жизнь. Когда Глория только начинала изучать генетику, ей показалось, что в теломерах и кроется секрет вечной жизни. Но почти сразу же она выяснила, что срок, отведённый человеку, записан не в теломерах, а скорее в редусомах¹, околохромосомных частицах, которые на тот момент уже были предсказаны, но пока не доказаны экспериментальным путём.

У природы есть два инструмента уничтожения человека – через его мозг и через тело. Смерть достигается одним из двух путей либо двумя одновременно. У клеток тела заканчивается запас деления, который можно искусственно восстановить с помощью РНК-терапии, заставив клетку вырабатывать теломеразу, которая будет достраивать теломеры.

Препаратов, способствующих выработке фермента теломеразы было предостаточно, но их эффективность была не так велика, как ожидалось. Глории удалось быстро занять руководящую должность в лаборатории только потому, что ей в голову пришла идея, как можно доработать лекарство, удлиняющее теломеры. Новый препарат дал возможность значительно омолодить организм и боролся с ВИЧ, хотя и не излечивал его. За предыдущие годы её работы в лаборатории в мире появилось лекарство от рака, которое тоже прошло все испытания и было доступно в свободной продаже. Учёные научились весьма ловко репарировать многие мутации ДНК, что позволило продлить средний срок продолжитель-

¹ Редусомная теория А. Оловникова – одна из теорий старения.

ности жизни человека всего лишь на пять лет. Это не оправдало ожиданий научного сообщества. И лишь недавно в сочетании с препаратом, способным выводить старые клетки из организма, команда Глории зарегистрировала обобщающее все вышеперечисленные возможности лекарство, которое позволило им отодвинуть границы смерти предположительно на 20-30 лет.

Но решение проблемы с восстановлением теломеры клеток тела не гарантирует вечную жизнь, потому что клетки мозга не делятся, их теломеры не сокращаются. Их количество связано с нейрогенезом². Количество гипоталамических нейронных стволовых клеток сокращается с течением жизни, а вместе с ними сокращается и количество экзосомальных микроРНК, которые блокируют экспрессию некоторых генов, связанных со старением. Эту вторую причину ликвидировать сложнее, так как увеличить количество стволовых клеток в гипоталамусе можно до сих пор только путём введения новых генетически модифицированных стволовых клеток молодого организма, либо (что немного более эффективно) соответствующих экзосомальных микроРНК. А они само собой из ниоткуда не возьмутся. В идеале – заставить организм самостоятельно увеличивать их число. Но Глория считала, что достаточно расшифровать белковую последовательность редусом и научиться их восстанавливать, как и теломеры, заставляя организм самовосстанавливаться

² Нейрогенез – процесс образования и миграции новых нейронов.

и работать вечно.

Всё это было ещё очень далеко от бессмертия. Успехи в этой области давали Глории надежду, что их лаборатория всё-таки доработает лекарство от смерти. Тогда она готова была приступить к следующему шагу – биомеханике, чтобы сделать организм человека более выносливым и износостойким. К биомеханике Глория хотела приобщить второго ребёнка. Но он пока не проявлял ни малейшей любознательности ни к наукам, ни к жизни в целом. К счастью, ему нравились чисто мальчишеские инженерно-конструкторские задачи, вроде помощи папе с машиной. Он на лету схватывал всю информацию о деталях и их функциях. Так что, по крайней мере, механическая часть так или иначе нарабатывалась. Глория понимала, что без биоинженерии бессмертные люди далеко не продвинулись и быстро погибнут. Их тела не должны мешать им в освоении космоса. Без дополнительного пространства в космосе и смерти много людей на Земле не поместится. Но до освоения космоса и даже до биомеханики есть другая немаловажная деталь. Сами люди и их самосознание.

Как бы Глории ни хотелось верить в то, что дарованная всем разом вечная жизнь не вызовет губительных последствий и сумасбродства, – это оставалось объективной ложью. Глория вращалась в кругу очень адекватных людей, уравновешенных, образованных, здравомыслящих и в тоже время придерживающихся высоких моральных принципов. Их ин-

теллектуальное и духовное развитие были сбалансированы. Их способности к логическим рассуждениям были не хуже способностей к эмоциональному сопереживанию. Многие из них даже умели смотреть на вещи объективно. Но в мире таких индивидов, сочетающих все вышеперечисленные качества, – всё ещё было меньшинство. Без всех этих качеств никто никогда не сможет разумно распорядиться вечностью. Поэтому параллельно с задачей бессмертия Глория работала над идеей идеального общества. И если лекарство всё-таки первым окажется у неё в руках, рассуждала она, – обществу ничего не останется, как принять её мудрые советы и примириться с новым мироустройством в обмен на вечную жизнь.

Глория вовсе не грезила властью или тщеславием. Ей в целом было бы неважно, кто получит лекарство от смерти первым, если оно всё-таки дойдёт до неё, но она понимала, в какой хаос может прийти весь мир и как трагично может кончиться судьба всего человечества разом, если не подготовить каждого.

Задач было слишком много, поэтому Глория решала их по мере поступления. И для ближайшей – самого лекарства от смерти – ей требовалось вырастить способного изобретателя.

В обучении Лили Глория не забывала и о том, что одних умозаключений недостаточно и каждое знание должно подкрепляться полезным применением на практике. Поэтому ей нужно было придумать промежуточные задачи, для решения

которых Лилия могла использовать накопленные знания. И задачи эти должны были быть отнюдь не теоретические, а практические решения с конкретным наблюдаемым результатом, который даст пищу для дальнейших размышлений в нужном направлении. И, конечно, с поощрением не только в виде морального удовольствия от решения задачи, но и физически осязаемым достижением.

Глория создала коробки с загадками. Они были очень просты. Шерлок не преминул бы произнести свою коронную фразу. Картонные коробки либо перекрашенные металлические из-под печенья, красивые картинки, простые вопросы, чёткие линии и яркие цвета, магниты и защёлки. Но для ребёнка этого было более чем достаточно.

– Хочешь секрет о бессмертии? – Глория выбрала подходящий момент, чтобы презентовать свою первую подделку.

– Хочу, – глаза Лили загорелись. Если мама говорила «секрет», значит это будет настоящий секрет, а не ерунда какая-то.

– Ходят слухи, только ты никому ни за что не говори! – Глория серьёзно посмотрела на Лилию, ни секунды не сомневаясь в том, что она поделится этой информацией с братом. Хоть они и ругались иногда, большую часть времени были дружны и неразлучны. – Обещай!

– Обещаю...

– Ходят слухи, что наш род связан с теми самыми бессмертными эльфами и из поколения в поколение нам пере-

даются эти шкатулки, – Глория показала, но не протянула ей одну из своих первых заготовок. – Тот, кто разгадает их все, откроет магическое секретное знание, как победить смерть, и получит великую силу.

– Что за силу? Магическую? Что она может? А с её помощью можно остановить время? – Лиля потянула руки к шкатулке, но Глория не дала ребёнку завладеть ею.

– Никто уже не знает точно, что это за сила и что она даст, потому что прошло слишком много времени с тех пор, как они были созданы, но это самая большая сила в мире. Если ты готова попытаться разгадать загадки, то я дам тебе эти шкатулки. Их ни в коем случае нельзя ломать силой. И если ты согласишься, нельзя ни в коем случае отступать и бросать это дело, хотя одно их разгадывание может занять много времени, ведь, чтобы разгадать, придётся прочитать много книг. В тех книгах, что я тебе дала, есть разгадки к некоторым шкатулкам. Но чтобы понять разгадки к другим шкатулкам придётся подумать, сложить все знания и только тогда ты сможешь понять ответ. Торопиться нельзя, потому что, если у тебя не получится открыть шкатулку с трёх попыток, её волшебная сила исчезнет.

Глаза Лили блестели от восторга и предвкушения чего-то магического. Никому неизвестно, в какой момент Лиля поняла, что мамины сказки все не взаправду. Глория больше ни разу ничего не говорила про волшебную силу ящиков. Просто создавала новые коробки и всё более сложные загад-

ки, требующие изучения новых учебников, применения химических веществ и один раз просто дрели. Кажется, Лиле действительно нравилось использовать свои знания на деле.

После того, как Лиля закончила пятый класс, Глория проверила её успеваемость по предметам, убедилась, что в школе их не особо-то и учат и предложила альтернативное решение в ответ на нытьё Лили о том, как ей не нравится ходить в школу по морозу, вставать рано и пробираться сквозь сугробы, как она перегружена дополнительными занятиями и "вот бы у всех дома были такие экраны, которые транслировали бы события в классе». Глория пошла на рискованный шаг и предложила ей заниматься дома. За небольшую плату договорилась с учителями, чтобы они проверяли её знания в конце каждого года, и в случае отставания грозила Лиле вернуть её в школу причём на год младше, чем она была. Результат себя оправдал. Лиля проходила программу намного вперёд, зачитывалась книгами по физике, химии и биологии и смотрела фильмы с лекциями.

Некоторые предметы и дисциплины Глория всё же предпочла оставить в качестве дополнительных курсов за пределами дома. Надо было не упустить и процесс социализации. Лиля ходила на уроки английского в группах, плавание и хореографию. Глория предлагала ей ещё много разных вариантов, в том числе и пресловутое пианино, но Лиля отказалась, жалуясь на то, что очень устаёт. На хореографию она проходила всего пару лет. Плавание ей нравилось больше, но

через четыре года она отказалась и от него, делая основной упор на науку и английский.

Когда Лиле было двенадцать, Глория вспомнила о ещё одном манёвре. Есть кое-что, что может заставить человека трудиться и развиваться в определённом направлении – признание других людей и восхищение результатами его трудов. Мама – это бесспорно хорошо, но недостаточно для того, чтобы получать истинное удовольствие от тщеславия. Поэтому в свободное время Глория вместе с дочерью создавала то, чем последняя могла бы похвастаться перед своей подругой на занятиях английским.

На следующий день после их очередной подделки – это была незатейливая упрощённая модель эукариотической клетки в разрезе из пластилина, созданная с уже полным осознанием того, что это и как оно работает, – Глория вернулась домой после работы в девятом часу и, придя в себя, всё-таки сделала вывод, что ей не показалось и дочь действительно дулась или обиделась на что-то. Лиля сидела на кухне и пила чай с печеньем, уткнувшись в планшет.

– Ты обедала?

– Да, – неприветливо буркнула она.

– Что ты ела? – Глории приходилось контролировать каждый день, ведь иначе они могли снова вернуться к болям в животе.

– Что было.

Глория открыла холодильник и проверила содержимое

кастрюль.

– Не похоже, чтобы тут что-то уменьшилось, – не без претензии ввернула она.

– Я съела, сколько хотела, – повысив голос, ответила Лиля.

После восьми часов утомительных работ с бумагами, без которых невозможно провести ни одно исследование, Глории было не до детских глупостей. Первое желание было прикрикнуть на дочь за непослушание и ужасное поведение, но Глория вовремя опомнилась и не стала ни кричать, ни устраивать скандалов. Возможно, у Лили не меньше причин кричать и кидаться на неё, но она этого не делает, а лишь бурчит и молчит.

– Ты просто устала, или у тебя есть действительно хорошие причины вести себя столь неприветливо?

Глория видела по лицу Лили, что та готова была выбрать вариант с усталостью, но тот факт, что её всегда приучали говорить прямо о том, чего она хочет, что её беспокоит и что она чувствует, сыграл свою положительную роль.

– Я сегодня поссорилась с Машей из-за тебя! – на грани между злостью и обидой сообщила Лиля, не повышая голоса и стараясь максимально скрыть свои отрицательные эмоции.

– Почему именно?

– Я ей рассказала, что хочу сделать лекарство от смерти. Она сказала, что это глупость, это абсолютно невозможно и что природой специально создана смерть. Иначе на Земле было бы слишком много людей. Она сказала, что надо

быть полной душой, чтобы пытаться победить то, что является естественным и необходимым.

Если Маша такое сказала, то это серьёзная проблема. Маша – лучшая подруга Лили, а соответственно её мнение может быть важнее любого другого, даже маминогo... по крайней мере, в возрасте двенадцати лет.

– Прямо так сказала или прошло какое-то время?

– Нет, сначала ей вроде даже понравилась эта идея, когда я с ней поделилась вчера. А сегодня она сказала, что всё-таки это глупо и невозможно.

– Ааа, – театральнo потянула Глория. – Ну, тогда всё ясно.

У Лили глаза были на мокром месте. Её мечту назвали глупой и невозможной. Мечту, которую подарила Глория. Вроде получается, что и мама ко всему прочему глупая и идеи дурацкие подкидывает.

– А теперь послушай внимательно меня – учёного, работающего в Исследовательском центре, а не тринадцатилетнюю девочку, которой ещё очень далеко до моего уровня знаний, – спокойно начала Глория. – С этим же ты не будешь спорить?

Расстроенная Лиля безвольно помотала головой.

– Во-первых, Маша – не такая глупая, она знает, что твоя мечта стоящая и вовсе неглупая. Ведь ты сама сказала, что сначала ей понравилась твоя идея. Дело вот в чём... Очень часто дети боятся делать ошибочные умозаключения, поэтому они рассказывают своим родителям что-нибудь и потом

просто повторяют всем в округе то, как их родители на это среагировали, даже не догадываясь, что родители тоже могут быть неправы. Маша – неглупая, а вот её мама, или папа, или бабушка, уж не знаю, кому именно она поведала о твоей мечте, оказались не очень умными и убедили Машу принять их точку зрения. Поэтому то, что Маша сказала на следующий день, это просто чужое мнение. Сама бы она не могла придумать про перенаселение. Во-вторых, ты нарушила важное правило, о котором я тебе не раз говорила. Никогда никому не рассказывай о своих мечтах, потому что их будут пытаться разрушить. Это подсознательное ужасное стремление людей – разрушать чужие мечты. Однажды, когда кто-нибудь расскажет тебе о своей мечте, ты сама заметишь, как твоим первым желанием будет разубедить человека в логичности его действий. Тебе захочется привести кучу доводов, почему у него ничего получится. Тебе захочется сообщить ему о всех преградах, которые он повстречает. Но будь уверена, он и так о них знает. И если ты вовремя поймёшь, какую ошибку собираешься совершить, то ты не станешь ему ничего такого говорить, а просто подбодришь, похвалишь его мечту и убедишь в том, что у него всё получится. Или хотя бы промолчишь, если уж тебе совсем не по вкусу такие мечты... – Глория задумалась на секунду, потому что в её голове наметилась отличная поучительная история, и она начала на ходу выдумывать. – Я тебе никогда не рассказывала про мальчика, который мечтал летать?

– Нет, – спокойно ответила Лиля. Ещё не до конца приняв мамину точку зрения, она перестала хотя бы злиться и обижаться, пытаясь осознать ситуацию.

– Когда мне было 15 лет, – Глория принялась сочинять, уводя мысли Лили от глупых разочарований, – по соседству со мной жил мальчик Дима, который с пяти лет мечтал научиться летать. Просто так, не на самолёте и не с какими-нибудь искусственными крыльями, а сам по себе безо всего. Ему тогда было 14 лет, и все над ним смеялись и говорили, что он уже очень взрослый и должен понимать, что это невозможно. Но он жил с бабушкой, и только бабушка ему всегда говорила: «Если ты во что-то сильно веришь, однажды это сбудется, но придётся приложить усилия». С его бабушкой я дружила. Она, мне кажется, была колдуньей, но доброй. Стоило ей рассказать о какой-либо проблеме, что, например, какой-нибудь мальчишка обижает или учительница двойку несправедливо поставила, она всегда в ответ приговоры какие-то говорила, заваривала чай с неизвестными мне травами и говорила: «Как только чай допьёшь, все твои проблемы решатся». И это действительно работало. Мальчишка оказывался наказан, учительница вдруг добрела ни с того ни с сего и исправляла оценку и так далее. Но заклинания её работали только с такими мелкими проблемами, а вот с такими большими мечтами, как научиться летать, заклинания уже не справлялись.

Она говорила, что мечты – это особая сфера магии, их

могут воплотить в жизнь только те, кто мечтает и только они могут узнать, как это сделать. Дима никогда не отказывался от своей мечты, только его ошибкой было то, что он всем рассказывал о ней. Однажды другие мальчишки его побили, когда он тренировался прыгать с гаражей, раскидывая руки будто крылья. Он думал, что сможет так взлететь. На следующий день девочка, которая ему нравилась, обозвала его дураком и рассмеялась, когда он сказал, что научится летать безо всего, когда вырастет. Ему было очень обидно, что она не поверила ему. Но Дима был сильный и уверенный в себе. Он верил в свою мечту, а это самое главное для её исполнения.

Дима не знал, как подготовиться к исполнению мечты, поэтому делал всё, что хоть как-то могло ему помочь. Он много тренировался, чтобы развить физическую силу и выносливость. Когда ему исполнилось пятнадцать, он пошёл в спортзал. Когда тренер в спортзале спросил, для чего он тренируется, Дима снова рассказал о своей мечте и снова не получил ни поддержки, ни помощи. Тренер посмеялся над Димой и больше совсем не помогал ему в тренировках, потому что считал его мечту глупой. Более того, тренер рассказал о Диминой мечте другим ребятам в зале, и те его постоянно дразнили и смеялись над ним. Диме пришлось бросить занятия в зале, но он продолжил тренироваться дома.

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он всё ещё верил в свою мечту и впервые в жизни прыгнул с парашютом. Это

не было исполнением его мечты, ведь он мечтал летать безо всего, но он считал, что тренировки в прыжках с парашютом помогут ему приблизиться к мечте. В лётной школе, где он учился прыгать с парашютом, он снова допустил всё ту же ошибку и рассказал о своей мечте, когда его спросили, зачем он учится прыгать. И снова все только посмеялись над ним. Из-за насмешек и издёвок Диме вскоре пришлось бросить школу по прыжкам с парашютом. Когда ему исполнилось семнадцать лет, в России появились первые аэротрубы. Знаешь, что это такое?

– Нет...

– Труба диаметром примерно с нашу гардеробную комнату. Снизу, из сетчатого пола, дует очень сильный ветер, который способен удержать человека в воздухе. Никаких приспособлений больше для этого не надо. Так вот, когда Диме исполнилось семнадцать лет, его бабушка подарила ему билет на посещение такой трубы. Он тогда стоил очень и очень дорого. Но бабушка всегда помогала Диме с исполнением мечты и долго копила деньги, чтобы сделать такой подарок. Тогда Дима впервые смог летать безо всего. Его мечта исполнилась, потому что он верил в неё и никого не слушал. А благодаря тому, что он много тренировался и умел прыгать с парашютом – его первый полёт в аэротрубе получился настолько хорошим, что его пригласили работать в компанию, занимающуюся популяризацией этих полётов. Первый год он работал только пару дней в неделю, потому что ему не было ещё

восемнадцать. Он учил полётам детей и тренировался сам.

Через год, когда ему исполнилось восемнадцать, он уже умел вытворять различные трюки и чувствовал себя в своей стихии. Сейчас у него уже своя собственная аэротруба и своя школа полётов, он готовит к полётам и парашютистов в том числе.

– Вау! – всё это время Лиля замороженно слушала, и Глории приходилось не смотреть на неё, потому что такое внимание очень сбивает, когда придумываешь истории на ходу. – А свозишь меня к нему? Я тоже хочу попробовать в аэротрубе полетать!

– Эм... ну... он уехал в Австралию и там открыл свою школу. Это очень далеко, но в Москве сейчас достаточно много таких школ, так что мы можем сходить в любую дру- гую.

– Класс!

– Но ты поняла его ошибку? Если бы Дима не рассказывал всем о своей мечте, ему было бы намного проще жить. Никто бы над ним не смеялся, и он мог бы сколько угодно тренироваться. Надо быть очень сильным, чтобы выдержать все насмешки. Диме повезло, что он был таким сильным. Но было бы намного проще добиваться своей мечты, если бы он был немного умнее и не рассказывал о ней всем. Лучший выход для тебя сейчас: не возвращаться к обсуждению своей мечты с Машей и просто не думать о том, что она сказала. Поняла?

– Поняла, – Лиля неуверенно кусала губы.

– А что если Маша сама поднимет эту тему? Начнёт дразнить тебя? Расскажет другим?

– Я скажу, что пошутила и что надо быть совсем дураком, чтобы поверить в это, – быстро сообразила дочь.

– А ты умна, – не без преувеличенного восхищения похвалила Глория. Но Лиля тут же разулыбалась. Они снова лучшие друзья, всё идёт по плану.

Сама Глория никогда никому не говорила о своей мечте и поставленных целях, потому что люди, как ни странно, любят лишь мечтать о бессмертии, но по-настоящему не видят в нём необходимости. В чём смысл бессмертия? Зачем оно понадобилось, кроме удовлетворения собственного стремления к самосохранению? Конечно, эволюция! В бессмертии Глория видела следующий этап эволюции. Она почти никому не говорила о своей мечте, но иногда делилась пограничными мыслями с друзьями. Ведь в споре рождается истина – ей важно было знать о существовании других точек зрения.

В этот раз она пригласила в гости коллегу по работе, чтобы поделиться идеями о необходимости бессмертия. Коля был её скромным подчинённым, который, с одной стороны, боялся людей и опасался сказать лишнее слово, а, с другой стороны, был весьма одарённым и смыслённым собеседником, чьё доверие ей удалось завоевать.

– Процесс эволюции – это процесс усложнения. Бессмыс-

ленный, на первый взгляд. Зачем делать жизнь сложнее?! Но эволюция преследует единственную и во все времена известную цель – приблизиться к состоянию так называемого Бога или, говоря в агностическом ключе, – достичь всезнания, всемогущества и праведности. Мир был прост: он состоял из людей, – потом люди узнали, что состоят из кожи, костей и плоти, плоть из молекул. Но человеку этого было недостаточно, он продолжил упорно стараться увидеть больше, разделить всё до неделимой части, добраться до сути. В чём смысл и секрет этого мира? Оказалось, молекулы состоят из атомов, а атомы из нуклонов, нуклоны из кварков, и даже кварки состоят из чего-то, что ещё только предстоит доказать.

Мы сознательно усложняем жизнь, ведь только когда мы узнаем все мельчайшие детали, мы сможем увидеть и понять картину целиком. Только разобрав всё до основания на детали, мы сможем понять, как оно работает. Мы делаем это с самого детства, разбирая на части игрушки. Это заложено в человеке с рождения. Но зачем? Это позволит сознанию стать всем и без труда переходить в разные состояния. Это будет высшая степень всемогущества. Невозможно пойти от обратного и сначала стать ничем: без обладания всезнанием, ты никогда вновь не станешь всем из ничего.

Проблема всезнания заключается в том, что мир бесконечен, и, чтобы полностью изучить его, нужна вечность. Это путь, который выбрала бы я. Но есть и другие. Мир бесконечен лишь до тех пор, пока ты его изучаешь. Поэтому ты

можешь просто прекратить тратить время на его изучение, и твой мир останется неизменным, стабильным и ограниченным, и «умрёт» вместе с тобой. Или можешь развлекаться, всё время изучая его в любом направлении. Но если ты не вечен, то он всё равно «исчезнет» вместе с тобой.

– Ты знаешь, учёный, упоминающий в любом виде Бога, до сих пор тут же исключается из числа компетентных и предается своеобразной анафеме научного мира, – Глория прилично напоила Николая, оставшегося у неё в гостях, только поэтому разговор на философскую тему шёл вполне гладко, а Глория могла не беспокоиться о том, что его запомнят.

– Поэтому ты мог уже вычеркнуть меня из адекватных научно-рассуждающих людей, но я бы на твоём месте не торопилась, – у Глории на всё был готов ответ. – Чёткое деление на категории – лишь признак ограниченности взглядов, преград и границ, которые люди сами воздвигают, классифицируя на группы, виды и типы. Присваивая ярлыки и категории, никогда нельзя забывать о том, что ничто не существует по отдельности, а если это – будь то религии или представления о Боге – до сих пор существует, то значит оно пока необходимо.

Для доказательства возможности существования такого состояния Бога, к которому стремится человечество в процессе эволюции, вот тебе сравнительный пример. Человек, как личность, по отношению к клеткам своего организма является творцом. Клетки можно считать в некоторой степени

весьма разумными живыми «существами», о которых человек всё знает и на которые он может влиять, понимая причины и сущность их «импульсов». На первый взгляд кажется несуразным сравнивать воздействие ферментов на поведение отдельных элементов клетки с какими-то стечениями обстоятельств, влияющих на наше собственное поведение как человека. Это разные уровни организации и механизмы воздействия само собой разные, но возможности надстройки "высшего разума", способного разложить наши стечения обстоятельств на математические формулы, это не отрицает. Интересует ли человека жизнь конкретной клетки, если она здорова и не посылает болезненных сигналов в мозг? Нет, она вольна делать всё, что ей вздумается для созидания и обновления организма, но не для разрушения. Здесь можно вести ещё очень широкие рассуждения на тему, почему ты вдруг решаешь избавиться от каких-то клеток своего организма, но всё это будет не более, чем просто демагогия, и сейчас не об этом.

Понимаешь, к чему я? Только что одним ловким движением я для всего мира разрешила вечную философскую проблему возможности одновременного существования всемогущего, всезнающего, праведного бога и свободы воли человека в одном мире.

Николай насупился, тяжело дыша. Ему не нравились идеи Глории, но он помнил о том, что она его руководитель, и старался подобрать более мягкие формулировки для своих

возражений. Это давалось ему нелегко, учитывая количество выпитого алкоголя, поэтому говорил он невыносимо медленно, с длинными паузами после каждого словосочетания. Кажалось, он сам не знает, чем закончится его мысль и что ждёт его за поворотом очередной паузы.

– Мне, как и вероятно любым учёным людям, неприятно думать, что существует более высшая форма сознания, до которой человеку никогда не превознестись, которая так же непонятна нам, как личность человека непонятна отдельно взятой клетки на его боку, – Николай заулыбался, радуясь тому, как стройно сложилась его фраза.

– И из этого антиутопичного тупика реальности есть выход. Лично мне хотелось бы верить, что наша картина мира представлена, образно говоря, в виде змия, пожирающего свой хвост, и заключена сама в себе, что подразумевало бы нашу общую взаимосвязь всех уровней организации разума. Тогда это значило бы, что, разобравшись с проблемой на одном уровне фрактальной структуры реальности, мы избавились бы от проблемы на всех остальных. Сделав бессмертной каждую клетку, мы сделаем бессмертным человека, человечество и Вселенную в целом.

– На такую реальность я, пожалуй, даже бы согласился, – одобрительно улыбнулся её коллега. – А ещё на реальность, в которой ты мне дашь поспать уже.

Для трезвого Коли подобное замечание и шутка были верхом дерзости, которую он бы себе никогда не позволил, так

что Глория поняла, что пора заканчивать разговор и вызвала ему такси. Для себя она успела сделать нужные выводы.

Депрессии, переходный возраст, взлёты и падения – у Лиле всё было, как у всех подростков, несмотря на её полузатворнический образ жизни. Глория переживала за неё, за возникшую вокруг неё компанию друзей, которая отвлекала её от науки. Глория старалась относиться терпимо к новым веяниям в моде, хотела всё также быть её лучшей подругой. Это был бы самый простой способ оберегать Лиле. Но, к сожалению, напряжённая работа в лаборатории не позволяла ей проводить так много времени с дочерью, как это требовалось.

Перед выбором будущей профессии и факультета обучения шло много разговоров, Лиле рассматривались различные варианты вплоть до карьеры кинорежиссёра. Единственное, что она не рассматривала, это практичные и доходные сферы, лишённые творческой составляющей, вроде юриста, бухгалтера и предпринимателя. Конечно, талантливый человек талантлив во всём, но не добьётся успеха в первой попавшейся сфере деятельности, если не развивал свой талант.

– Вот что я тебе советую, – ответила Глория Лиле на очередную безумную идею, связанную с факультетом режиссуры. – Творческие профессии вроде актёра или режиссёра привлекательны, но для их изучения не требуются десятки лет, ты можешь их с лёгкостью изучить на дополнительных

вечерних занятиях и испытать, даже не имея ни образования, ни опыта. А возможность найти лекарство от смерти у тебя только одна, и она связана с генетикой. Подумай об этом.

Не то, чтобы Глория сильно верила в то, что можно стать актёром или режиссёром без должной подготовки, но это было определённно проще, чем наука. По лицу Лили было видно, что она уловила нужную мысль, поэтому дочь просто перевела тему.

– Я тут разговаривала со своей подругой. Она сказала, что собирается поступать в медицинский, потому что боится старости. Ей так нравится её лицо, что она хочет найти способ оставаться всегда молодой. Она боится морщин. Вот глупость-то, да? А то, что она всё равно умрёт и её красивое молодое лицо сгниёт в земле, её не волнует...

– Волнует, это всех волнует, но она не признается в этом. Людям несколько последних тысячелетий постоянно внушали, что бояться смерти – постыдно.

– Кто? – Лилия никогда не обвиняла Глорию в её выдумках и сказках, но лет с пятнадцати стала подвергать все высказывания матери тщательным проверкам и анализу, задавая десятки уточняющих вопросов.

– Те, кому выгодно посылать других на смерть. Люди всегда восхваляли смелость, приравнивая её в первую очередь к готовности пожертвовать своей жизнью или, иначе говоря, умереть. Я ведь тоже всем говорю, что меня волнует именно

вопрос старения. Не потому что меня действительно волнует вопрос старения или я боюсь морщин, а потому что сказать людям о своём желании найти лекарство от смерти было бы опрометчиво. Они не поймут и не признают эту цель, приняв её за идею-фикс, которую будут регулярно высмеивать, приводить социальные, экономические и политические доводы против нового бессмертного мира и строить моральные преграды на пути к моей цели, потому что бояться чего-либо значит быть трусом, считают они. Только все забывают, что страх придуман природой как раз для самосохранения. Страх смерти должен был давно породить острую необходимость в бессмертии. Так и было бы, если бы не надуманная и бессмысленная смелость в вопросе жизни и смерти и потребность в войнах. Сейчас же мне никто не мешает работать над лекарством от смерти, потому что все думают, будто я разрабатываю лекарство от болезненной и неприятной старости, которой все желают избежать.

Несмотря ни на что, Глории всё же удалось самое главное – удержать интерес Лили на науке. Глория не говорила, что Лили обязана выбрать этот путь, но всячески убеждала, что другие пути бессмысленны, неинтересны и ошибочны.

Хотя при поступлении у Лили были небольшие трудности из-за домашнего обучения, реальные знания и немного настойчивости при личной беседе с ректором перевесили все формальности. В первый день учёбы в честь поступления Глория подарила дочери кулон из белого золота в виде

знака бесконечности. Он так понравился Лиле, что она с ним ни на день не расставалась, а когда ей становилось страшно или требовалась поддержка, она всегда его крепко сжимала и целовала. Ей сразу становилось легче, как если бы невидимый защитник вдруг появлялся за её спиной.

Лиля уже была на второй курсе института, изучала генетику и параллельно брала дополнительные занятия по биофизике, когда в лаборатории Глории было принято решение о расширении. Её офис переехал в престижный бизнес-центр, а Глории разрешили взять себе помощника и добрать в свой отдел ещё одного сотрудника. Нельзя сказать, что разработки её отдела приносили большой доход фирме – далеко не самый большой. Но так как с появлением Глории прогресс в разработках лекарств от старения значительно продвинулся вперёд и препараты фирмы начали пользоваться спросом, по крайней мере, на внутреннем рынке исследовательских компаний, то у директора были все основания полагать, что Глории удастся разработать комплексное и универсальное средство.

Её директора, Сергея Гургеновича, это лекарство интересовало скорее в личных целях. Глория считала, что он спонсирует её отдел ещё и потому, что подозревает, к каким результатам могут привести её проекты. Глория считала, что он коварен, безжалостен, а его внутренний мир несбалансирован, хотя никогда никому не говорила о своём мнении и вела себя всегда уважительно по отношению к нему. Сliš-

ком много разума и совсем нет понимания о сочувствии и сострадании. Если хоть немного разбираешься в людях, всё это можно прочесть по одному его взгляду, мечущемуся в поисках скрытой от него истины. В то же время за последние семь лет два раза Глории приходилось видеть, как он выходил из себя. Полным контролем над своими эмоциями он не обладал. За его холодной недюшеновской улыбкой³ всегда крылось презрение ко всем, с кем он общается. Если бы это не считалось верхом неуважения, он бы предпочёл не общаться ни с кем напрямую, а использовать своего личного помощника для этих целей. Впрочем, личного помощника в общении с людьми он привлекал не столь часто, как своих телохранителей. Вот кто был его настоящими и единственными друзьями. Их беспринципность и непоколебимость красноречиво говорили о способах ведения бизнеса, применяемых Сергеем. Но ещё лучше они свидетельствовали о том, что Сергей Гургенович очень опасный человек и держаться от него стоит подальше.

³ «Дюшеновская улыбка» – искренняя улыбка, которая характеризуется сокращением мышц вокруг глаз. Гийом Дюшен де Булонь подробно изучал психологию улыбки и научился различать фальшивую и искреннюю улыбки.

Глава 2. Неразрешимая загадка безысходности.

Посвящая каждый день науке, у неё почти не осталось времени на простые человеческие взаимоотношения. За последние три недели она только кратко и по делу говорила с мужем и детьми и несколько раз с руководством. Этим её социальные контакты ограничивались. Она испытывала острую необходимость в чувстве принадлежности к человеческому обществу, её начинали поглощать негативные эмоции отчужденности и одиночества, поэтому с работы Любовь решила поехать на метро. Она поздно возвращалась, так что толчея в час пик ей не грозила, но людей всё равно было достаточно, чтобы насладиться их присутствием, полюбоваться их разнообразием и причудами. Она заняла свободное место. Все пассажиры были чем-то заняты: читали, смотрели видео, играли в игры на смартфонах, дремали, слушали музыку, – поэтому она могла спокойно наблюдать за ними или пристально разглядывать, не опасаясь привлечь внимание. Любовь подмечала все детали: цвет носков, камни в кольцах, надписи на пакетах и майках, подведённые глаза, испуг в этих глазах, усталость, фрустрацию, счастье. Если кто-то казался ей грустным или несчастным, она про себя

сочувствующе желала ему добра, любви, денег или счастья в зависимости от собственных ощущений.

– У тебя красивый маникюр, – неожиданно сказал мужчина, севший рядом.

Любовь повернулась, чтобы поблагодарить его за комплимент и замолчала на полуслове. Это оказался Смерть.

– Зачем тебе вся эта ерунда? – тихо спросил он. Окружающие и так не могли их услышать, но он не хотел нарушать её умиротворённо-расслабленного состояния. – Даже если все перестанут умирать от смерти, существуют ещё миллионы угроз, которые могут стереть человечество в порошок, хоть на Земле, хоть в космосе.

– Значит, я буду работать над созданием такого человека, которому не угрожают все эти беды.

– Ладно, представим, что ты достигла практически бессмертия, и человечеству удастся создать летательные аппараты, чтобы вовремя улететь с Земли до её уничтожения и подальше от единственной самой крупной чёрной дыры, которая уже поглотила большую часть космического пространства, но, достигнув конца Вселенной, вдруг окажется, что за её границу нельзя попасть. Любой предмет, попадающий за грань нашей Вселенной, просто расщепляется и превращается в ничто (потому что там действуют другие законы, другая материя, другое измерение). Каково будет твоё отчаяние оказаться на грани Вселенной и выбирать между уничтожением вне Вселенной и засасыванием в +бчёрную ды-

ру, где вскоре после того, как тебя засосёт, тебя вместе во всем остальным космосом, сжатым в этой точке, разнесёт на кусочки Большим Взрывом, призванным создать новую Вселенную? Страшно? Насколько хватит тебе твоего нового технологичного тела? Чтобы дожить до взрыва и разлететься на атомы? Или чёрная дыра спагеттирует⁴ тебя до смерти ещё на подходе? Зачем все эти многовековые страдания и для кого, если конец всё равно один, сколько бы препятствий ты не преодолела?

– Я заранее найду решения всех возможных "безысходных ситуаций".

– Не из всех ситуаций есть выход. Вот, например, жизнь заканчивается только смертью сейчас. И пока даже ты не смогла найти выход из этой ситуации. А мой предыдущий гипотетический пример с чёрной дырой подсказывает, что его в принципе не существует, – он перевёл взгляд с жалких пассажиров, которых рассматривала Любовь на неё саму. – Тебе же страшно от одной этой мысли! Я вижу, как ты впи-ваешься ногтями в ладонь, чтобы сдержатъ страх. Боишься умирать?

– Нет. Просто в твоей зарисовке – я одна. Боюсь оказаться на этой границе Вселенной одна.

– Ты прямо как смертные стала! Что изменится от того, что умирать ты будешь не одна, а вместе с кем-то?!

⁴ Спагеттирование – термин для описания визуальной деформации, удлинения объекта, приближающегося к чёрной дыре.

– Если я буду одна, мне некого будет для проверки закинуть за грань Вселенной. Может, там просто другой формат существования, невидимый глазу, а вовсе не расщепление, – премило улыбнулась Любовь.

– Ах, вот теперь узнаю эгоистичный цинизм, – и презрительно добавил, – показной. Можешь врать сколько угодно. Себя-то ты не обманешь. Боишься оступиться, сделать неверный выбор. Ты не можешь знать, что за гранью смерти, сколько бы ты ни вещала всем о том, что там ничего нет. Сомнения всё же точат. "А вдруг я ошибаюсь, вдруг я останусь одна в темноте Вселенной, единственная уничтоженная и испепелённая душа. А вдруг за гранью смерти что-то есть..."

– А что разве есть? – мимолётно спросила Любовь, надеясь, что Смерть, увлёкшись осуждениями, даст ей в пылу ответ на волнующий всех вопрос.

– Так я тебе и сказал!

Любовь усмехнулась, но промолчала в ответ. Спорить бессмысленно. Было бы хоть что-нибудь, чем он мог её завлечь, он бы уже давно выдал все секреты. Значит, нет там ничего, что могло бы её привлечь. Ни памяти, ни чувств, ни сознания. Она немного окрепла в своих намерениях и попыталась мысленно поддержать саму себя: у неё должно получиться!

– Если всё действительно так безысходно, как ты говоришь, то последний, кого засосёт в эту чёрную дыру и будет победителем в игре. Я в любом случае не останусь в проигрыше. А, как известно, победители имеют право либо на

преимущество в следующем коне, либо становятся ведущими следующего кона. Будучи всезнающей и бессмертной победительницей, я явственно вижу себя в роли ведущего в новой Вселенной.

– Бога? – Смерть не сдержал смешка.

– Называй как хочешь, – Любовь выходила из себя, и в горле встал ком.

– Уверен, это невозможно, ты...

– И завидуй молча. Твои доводы меня не интересуют, – и, кусая ногти, она быстро выскочила из вагона через уже закрывавшиеся двери как раз на своей станции. Она терпеть не могла чужих сомнений. Ей нужна полная уверенность и поддержка. Ей хотелось не слышать его слов и забыть их. Теперь её саму гложут сомнения, и из-за раздражения она допустила серьёзную ошибку. Ей надо было до последнего убеждать его, что это нужно им обоим, а теперь он думает, что она хочет стать единственной, кто управляет этим миром, избавившись от него.

Хотя Глория и уделяла большую часть времени, отведённого семье, на воспитание дочери, про сына она тоже не забывала. Она любила этого мальчугана не меньше, чем других членов семьи, а может быть, даже и больше, поэтому давала ему больше свободы. В отличие от Лили Дэнни никогда не получал чётких наставлений и руководств к действию, но

он любил мать и всячески старался добиться её внимания и восхищения. В детстве он старался подражать сестре, но позже выбрал свой путь, который также был связан с наукой, но относился скорее к её инженерной стороне. Хотя он ещё учился в школе, Дэнни уже весьма преуспел в понимании механизмов робототехники и сути программирования. Глория всё же надеялась как-нибудь заинтересовать его биоинженерией, которая отвечает за конструирование искусственных внутренних органов и клонирование.

Вернувшись с работы, Глория вновь села за анализ своих экспериментов в рабочем кабинете, по обыкновению даже не перекусив. Но заботливый сын принёс ей в кабинет чашку горячего чая и бутерброд.

– Как продвигаются исследования? – деловито поинтересовался Дэнни.

– Изначальное предсказание о влиянии теломер на продолжительность жизни не сбылось, – поделилась Глория. Она уже рассказывала всю теорию целиком и мужу, и дочери, и сыну. Нередко, когда она проговаривала в слух цели исследований и проблемы, возникавшие на её пути, в голову приходили те самые решения, которые она искала месяцами. – Их удлинение даёт лишь некоторую отсрочку в старении клеток и то не всех. Мы выяснили, что удлинённые теломеры не соответствуют по длине хроносомам, которые и отсчитывают прожитый биологический возраст, количество делений клеток. Именно хроносомы, находящиеся в клетках

центральной нервной системы, отвечают за отведенный человеку срок... – она сделала паузу, давая сыну время обработать полученную информацию, и, видимо, слишком философски подвела итог. – Всё в голове на самом деле.

– Точно, так и есть, – Дэнни обрадовался, что может поддержать беседу даже на такую тему. – Мне друг недавно рассказал подходящий случай. В его доме был пожар. И в больницу с сильными ожогами попал парень тридцати лет и его соседка бабушка. И у бабули ожоги были даже хуже, чем у парня. На ней врачи сразу поставили крест. То есть, конечно, лечили, но не верили в её выздоровление. А в парне не сомневались. Только вот парень сам не видел смысла в своей жизни, так был подавлен и расстроен полученными ожогами, что в итоге не оправился и скончался. А бабуля, полная уверенности в том, что ей ещё много чего нужно сделать: внуков воспитать, квартиру отремонтировать – быстро выздоровела и как ни в чём не бывало продолжила свою жизнь. Всех врачей поблагодарила и на своих ногах из больницы ушла. Потому что всё в голове – в желании жить, в мыслях, на которые ты себя настраиваешь.

– В целом да, ты прав, но я не это имела в виду, – Глория улыбнулась, умиляясь юношескому представлению об устройстве мира. – Программа жизни заложена в клетках головного мозга...

– А ты об этом!

– Да... сейчас нам надо разгадать последовательность ак-

ромер (концевых повторяющихся и со временем укорачивающихся отрезков редусом), чтобы найти фермент, который будет их достраивать параллельно с теломеразой. Или надо придумать, как заставить акромеры копировать теломеры, – Глория поняла, что её речи начинают наскучивать сыну и упрекнула себя в том, что снова всё время говорит только о себе. – Но неважно... как у тебя-то дела, мой дорогой?

Глория пила маленькими глотками слишком горячий для неё чай и просто наслаждалась минутами общения с сыном. Разговаривая с ним, она отдыхала, даже если речь шла о делах. Работа подождёт, а в успехе она не сомневалась. В мире, который её окружал, всё говорило о том, что время для лекарства от смерти пришло. Этот вопрос занимал умы людей, хотя у большинства лишь косвенно. Люди всё ещё не дерзали думать о бессмертии открыто, но искали лекарства от старения, желали оставаться всё время здоровыми. И мечтали только в кино про вампиров. Люди давно уже подсознательно молят о новом этапе эволюции – вечной жизни. Только молить нет смысла, надо брать и делать. А раз пришло нужное время, то у неё непременно получится.

Только дома она могла так душевно поговорить и отдохнуть, потому как в лаборатории Глории работают специально подобранные сотрудники. Она тщательно отбирала их не только по выдающимся способностям, но и по психологическим аспектам. Всех своих сотрудников она про себя называла люди-миры.

Есть люди, которые живут только в чужих мирах, у них нет собственного. Они интеллектуально развиты, у них есть специфические интересы, но, когда ты с ними знакомишься, ты не чувствуешь, будто пересекаешь берлинскую стену и скоро окажешься в другом мире. Они открыты и ведут международную политику со всеми желающими, вечно путешествуют по чужим мирам. И есть люди, у которых собственные миры, которые не нуждаются во внешних контактах. Чтобы попасть в их мир, придётся отказаться от своего. Это нестрашно, если у тебя нет собственного мира. Но когда у тебя тоже свой замкнутый мир, это грозит полной потерей суверенитета. У каждого в команде Глории был свой мир, и они почти не общались без дела друг с другом. Свой мир Глория держала в тайне, будто его и вовсе нет, и свободно путешествовала по чужим. Она дружила со всеми коллегами и была их объединяющим звеном, потому что интересовалась исключительно ими и почти не говорила о себе. В её отсутствие сотрудники снова погружались каждый в свой собственный мир. Им не о чем было говорить друг с другом, кроме как о работе.

В процессе работы между коллегами отдела никогда не возникало конфликтных ситуаций, все были настроены на дружелюбное общение, но вот с более высоким начальством и сотрудниками других отделов нормально общаться удавалось только Глории и Лили. Антон Николаевич руководил всем департаментом, к которому относился отдел Глории. И

это был ещё один человек, который от части объединял всех сотрудников, только причиной было не взаимопонимание, а всеобщая неприязнь к этому типу. Он старался подражать Сергею Гургеновичу, но скорее походил на школьника-подлизу, и, что больше всего выводило Глорию из себя, слишком откровенно флиртывал с Лилей, будучи на двадцать лет старше.

– Как дела, гений чистой красоты? – в этот раз Антон Николаевич радостно обнаружил, что Глория вышла из отдела, и не преминул воспользоваться возможностью сделать комплимент Лили. Свой вопрос он использовал как предлог, позволяющий слегка коснуться предплечья этой юной особы. Но Лиля тут же резко отклонилась, избегая контакта.

– Что ж ты такая стеснительная и закрытая? Нельзя быть такой застенчивой! – он вдруг занял назидательную позицию. Тот факт, что он был старше, давал ему, как он сам считал, безоговорочное право раздавать жизненные советы и поучать.

– Вы ошибаетесь, я не стеснительна и не застенчива. Просто сейчас я очень открыта, у меня как будто голая душа, которая каждым своим нервом соприкасается с этим миром, – театральным голосом вещала Лиля. – Представьте, если бы с вас сняли кожу – вы чувствовали бы малейшее дуновение ветра, и оно ранило бы, как лезвие. Тоже сейчас и со мной. Я абсолютно незащищена от этого мира, потому что открыла душу. Но так мне хочется. Хочу проветрить помещение,

открыть все окна настежь. Пусть подышит этим миром. Мне нужен глоток свежего воздуха... И от того, что я сейчас совсем незащищена, ничем не отгорожена от мира, мне приходится быть очень осторожной. Слишком близкий контакт с миром мною воспринимается болезненно. То, что вы считаете застенчивостью, – это лишь моя настойчивая попытка избежать слишком близкого контакта с миром.

Антон Николаевич фыркнул в ответ и с насмешкой спросил:

– И часто с тобой такое случается?

– Всегда, когда я за работой, – с милой улыбкой заявила Лиля так, что собеседник не понял, издеваются над ним или серьёзно делятся своими нестандартными переживаниями.

– Нельзя такой быть и работать так много нельзя. Ты молодая, тебе надо подумать о муже. Тебе уже рожать пора, а ты пугаешься каждого прикосновения.

– В мире перенаселение. Зачем рожать больше? – не мудрствуя лукаво, ответила Лиля.

– Но ведь в нашей стране, нашей нации вымирание, и смертность выше прироста населения.

– Конкретно в нашей стране – да. Но в целом мире нет. Ресурсы и так на исходе.

– Так это же не из-за нас, а из-за других национальностей. Ты мыслишь слишком глобально.

– Но спасение начинается с каждого отдельно мыслящего человека. В первую очередь каждый должен подумать о том,

что людей достаточно. Что пора остановиться, ограничиться одним ребенком на одного родителя или даже на одну пару. Мы сможем прогрессировать, только если каждый будет думать глобально.

– Но если ты будешь мыслить глобально, а китайцы не будут, то в мире останутся одни китайцы, например, или другая плодovitая нация, а твой род исчезнет.

– Я не отказываюсь от своего рода. Я лишь говорю, что надо ограничить этот род, чтобы будущему поколению было где жить и чем питаться. Иначе – не останется ни меня, ни китайцев, никого из людей. Если китайцы не могут это сами понять, значит, придётся им внушить, объяснить, принудить. Но только после собственного показательного примера. Все уровни существования взаимосвязаны – начиная с чистоты помыслов отдельного человека и заканчивая сознательностью всего человечества. Банальный пример. Если каждый отдельный человек не готов распределять мусор для дальнейшей переработки и показывать таким образом пример своим детям, то и правительству незачем строить соответствующие перерабатывающие заводы и организовывать урны с отдельным сбором мусора. Ничего страшного, если я разок поступлю неправильно, не выскажу своё мнение, не подпишу петицию, не проголосую, выброшу батарейки в урну для бумаги, сорвусь на ком-то, буду судить о людях, будто они все склоны к самым худшим поступкам, не пытаюсь их оправдать, или обвинять другого за его личные каче-

ства, а себя оправдывать обстоятельствами – это и есть всеобщий хаос, беспорядок. Всего разок, но от каждого в мире, и не даёт эволюции и прогрессу сдвинуться дальше. Не даёт шагнуть в более осознанную реальность, где можно было бы жить вечно, трудиться только в интересах всеобщего развития и только тогда, когда тебе хочется, отдыхать, сколько хочется, жить, где хочется, и быть, кем хочется, без каких-либо ограничений. Наш мир до сих пор далёк от совершенства, управляется единицами и не самыми благородными, потому что в таком несовершенном и плохо воспитанном обществе попасть на верхушку мира можно только такими же далёкими от совершенства методами.

– Жить вечно! Не работать! Придумаешь тоже! – возмутился Антон Николаевич. – Лиля, кто же забил вашу голову такой ерундой? Наслаждайтесь моментом и радуйтесь всему.

– А что из перечисленного, по-вашему, противоречит получению удовольствия от жизни? Распределение мусора? Вам нужно непременно бросить мусор на улице, чтобы чувствовать себя счастливым?

– Нет, конечно, меня пугает не мусор от продуктов. А мусор в голове. Если всё время думать о целом мире и жить с такими мыслями, то для радости совсем не останется места.

– В моей жизни хватит места всему, а теперь, если позволите, я всё-таки продолжу, пока не забыла, что делала, – Лиля поняла, что допустила ошибку, проговорившись о вечной жизни и мечтах о совершенном обществе, и тут же поспе-

шила закрыть тему для разговора. Она чувствовала внутренний протест, недовольство этим индивидуалистом и готова была защищать свои идеи до последнего, но понимала, что должна лучше оберегать свои мечты. Их и так за две минуты сравняли с мусором, дальнейший спор с дураком ни к чему хорошему не приведёт.

Разработкам в лаборатории не было конца, но Глория не думала об этом, не думала о том, сколько времени это займёт. Главное, чтобы жизни хватило. Не думая о всём объёме целиком, а выполняя задачи шаг за шагом, она продвигалась куда быстрее, чем можно было предположить. Она и сама понимала, что у любого, кто попытался бы охватить и осознать всю задачу целиком, опустились бы руки, поэтому даже для сотрудников старалась делить все задачи на небольшие подзадачи, с которыми они легко и быстро справлялись. Но кроме разработок было ещё много других проблем, которые необходимо было продумать и решить ещё до создания лекарства от старости и смерти.

Глория перебрала в голове сотни и тысячи вариантов развития событий. Любому человеку, который узнает об этом лекарстве, сразу станет очевидна проблема быстрого перенаселения планеты, кризиса экономики и истощения ресурсов. Заставить людей ограничиться одним ребёнком до момента колонизации Марса или других планет? Заставить их всех работать в направлении развития на общее благо? Заставить их думать о будущем и перестать жить одним моментом? Всё

это кажется намного сложнее, чем убить изобретателя лекарства и позволить лишь самой верхушке влиятельных и богатых людей оставаться бессмертными. Заявляя об открытии, она моментально поставит под угрозу и свою жизнь, и жизни всех, кого она знает. Скрыть от всех?! Дать лекарство только тем, кто ей дорог?! Варианты кишели в голове, строя схемы по теории игр. Предугадать действия других невозможно. Но можно, как в шахматах, продумать все ходы, разыграть в голове все партии и выбрать ту, которая будет выигрышной для каждого отдельно и всего человечества в целом.

Еда, животные, энергия, вода. После тщательного изучения всех вопросов у Глории не осталось сомнений в том, что это всё при должном отношении восполняемые либо заменяемые источники. Под вопросом только уровень рациональности населения планеты. Их адекватность и разумность, о которых можно легко судить по выпускам новостей, слишком часто вызывают сомнения. И самый сложный вопрос: каким образом заставить людей хотя бы на время ограничить себя в новых детях? Наказывать смертью? Делать очереди на детей? Насколько безумны должны быть люди, чтобы пришлось принуждать их к такому?!

Глория часто делилась своими мыслями не только по поводу разработок, но и по поводу дальнейшего развития событий с Лилей, Алексом и даже Дэнни. С Лилей – потому что она разделяла её мечты, с Алексом – потому что он никогда не высмеивал и всегда старался помочь. С Дэнни – пото-

му что он отличался невинным и простым взглядом на мир, приемлющим всё и всех.

– Чем ты так обеспокоена, мам? – Дэнни зашёл в комнату, чтобы распечатать свою домашнюю работу для университета, и прервал мысли Глории, когда она пыталась набросать очередную линию развития событий в мире с появлением лекарства. Их было так много, что она решила записать всё, сидя на диване в гостиной с чашкой какао и маршмеллоу.

– Я не уверена, что все будут рады моим лекарствам. И кто-то возможно будет настолько против, что его запретят.

– Почему ты думаешь, что кто-то будет против? – Дэнни по-ковбойски сел в крутящееся кресло напротив.

– Некоторые считают, что реальность похожа на сон, – Глория внимательно рассматривала лицо сына. Когда он успел так вырасти? Недавно был наивным мальчишкой, маленьким сынишкой, а теперь она с ним уже разговаривает, как со взрослым, как совсем с другим человеком. – Такие люди верят, что, умирая здесь, они «проснутся» в каком-то другом мире, другой реальности или в другой форме жизни более высокой и развитой. Они называют эту другую форму жизни душой. Поэтому где-то глубоко в подсознании очень многие боятся вечной жизни на Земле. Они боятся, что, выбрав вечную жизнь здесь, они потеряют её там, как бы умрут в том «загробном» мире, не смогут никогда туда попасть, упустят возможность узнать все тайны и секреты мироздания, кроющиеся за завесой смерти. Но никакого мира там

нет, и никакие тайны им не откроются.

– Почему ты так уверена в этом? Может, там и есть что-то? – хитро улыбнулся Дэнни, и на доли секунды ей показалась эта улыбка похожей на чью-то ещё. Тёмные волосы, оливковые глаза – весь в отца.

– Нет никакого смысла скрывать какие-то важные вещи от живущих и потом выдавать их мёртвым, которые уже ничего не смогут изменить. Это абсолютно бессмысленно. Все тайны можно раскрыть, только оставаясь живым. Жизнь и сознание людей – это активность нейронов мозга, и единственная более высокая форма развития, которая им доступна на данный момент, – это постоянно поддерживать жизнь нейронов в теле. Потом, возможно, они научатся создавать более совершенные тела и формы существования. Но первый шаг к принятию этой новой формы и этапа развития – это отказ от смерти.

Ещё одна из причин, по которой люди не хотят отказываться от смерти, это их неспособность смириться. Смириться с тем, что те, кто умер, уже никогда и нигде не встретятся на их пути, хотя даже я не исключаю, что накопленные умершими знания и информация хранятся где-то в информационном поле, если такое существует. Если это так, то такая информация по сути являлась бы ими самими. Но чтобы узнать это наверняка, потребуются ещё тысячи или миллионы лет, а для этого нужно отказаться от смерти.

– Но, если ты всё объяснишь людям, как мне сейчас, они

точно примут твоё лекарство! – радостно подбадривал Дэнни. Глория грустно улыбнулась в ответ – ей бы столько оптимизма.

– Я спрашивала некоторых людей из любопытства, хотели бы они получить такое лекарство. Нередко даже те, кто боятся смерти и не верят в «жизнь после», говорили, что отказались бы принять это лекарство, если бы оно у меня было. Может, и лукавили. Но ведь не могли знать наверняка, что у меня его нет...

– Почему?! – возмутился Дэнни.

– Не знаю. Я этого не спрашивала, – Глория задумалась и рассмеялась своей догадке. – Вероятно, потому что, когда все умирают, они не хотят чем-то отличаться от других. Страшно быть не таким как все. Люди всегда будут этого бояться, пока не познают суть бытия. Только самые самобытные не побоялись бы.

Глава 3. Победить усталость.

Если ты русский человек, то все серьёзные вопросы у тебя решаются на кухне. Поэтому они сидели за столом на кухне. Любовь и Смерть.

"Комедия абсурда", – подумала Любовь, но тут же вспомнила, что это просто сон. – "Так, почему бы и нет".

Конечно, просто сон, она даже не знала, чья это кухня и как она здесь оказалась...

– Ты выглядишь уставшей, – Смерть вертел в руках кружку чёрного кофе, не зная, с какой стороны подойти.

– Есть такое. Много работаю, – у Любви в руках не оказалось ничего, поэтому она просто рассматривала свои руки. Она не хотела разговаривать со Смертью, но всё почему-то происходило само по себе, без её желания.

– Совсем не живёшь... Хотя даже сейчас, по-моему, ты уже успела пережить множество приятных и чудных моментов...

– Да, это так. Не буду спорить.

– Тебе даже не о чем жалеть, если ты случайно умрёшь... – задумчиво произнёс он.

С этим высказыванием она тоже была согласна, но промолчала.

– Надоело, наверное, постоянно куда-то стремиться, пы-

таться достичь недостижимых высот?

– Я знаю, куда ты клонишь. Мне надо просто выспаться. Достаточно обычного сна, а не вечного. Я высплюсь и продолжу.

– Ты и так сейчас спишь, но всё равно ведь чувствуешь усталость. Это гонка жизни. Она всем приедается. Некоторые умоляют меня забрать их – так им надоедает жить.

– Ты путаешь. Им не надоедает гонка. Им надоедает отсутствие гонки. У них нет конкретной цели и стремления, они не знают, как им применить их жизнь, – поэтому и просят забрать её.

– То есть ты не хочешь на покой?

– Не хочу.

Смерть подошёл к плите, взял половник и помешал содержимое кастрюли на огне.

– Что варишь? – Любовь хотела скорее перевести тему разговора на любую другую.

– Грешников, – он зловеще рассмеялся, но на Любовь эта шутка не произвела впечатления. – Ну, ладно, куриный бульон. Будешь?

– Кстати о животных...

– Нет, мы так не договаривались! Они не будут бессмертны! – он швырнул половник от злости.

– Не будут, конечно, – поспешила заверить Любовь. – Просто не успеют даже, их всех съедят... Мне надо будет придумать им замену. Что-то вроде... клонированного мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.